

© 2010 г. Е.Н. СОКОЛОВ*

БОЛЬШЕВИКИ И ФИНАНСЫ (АВГУСТ – ДЕКАБРЬ 1918 г.)

Финансовая политика большевистского правительства к августу 1918 г. прошла в своем развитии два периода. Первый, с октября 1917 г. по март 1918 г., определялся захватом командных высот в финансовом хозяйстве страны и борьбой с сопротивлением банковских служащих. В этот период новой власти удалось поставить себе на службу Государственный банк и подчинить крупные коммерческие кредитные учреждения. Но финансовое положение страны резко ухудшалось. Второй период начался с марта 1918 г. и продолжался до августа 1918 г. Основной задачей становилось наведение порядка в финансовом хозяйстве республики и проведение антикризисных мероприятий. Эту проблему должен был решить новый глава Народного комиссариата финансов (Наркомфин, НКФ) И.Э. Гуковский. Опорой для упорядочения финансового дела нарком избрал центральные органы Наркомфина и их местные учреждения. В тот момент, при недостаточности связи центра с провинцией, этот путь представлялся как путь наименьшего сопротивления, но он себя не оправдал. Советы постоянно конфликтовали с местными учреждениями Наркомфина (отделениями Народного банка, казначействами и т.д.). НКФ вставал на защиту старых финансовых учреждений, а это уже порождало трения наркомата с губернскими властями¹. Весной 1918 г. в партии возникли острые разногласия по проблемам применения финансов в социалистическом строительстве². В НКФ тоже царила разногласия. Гуковский не выдвигал четкой программы, проявлял колебания по важнейшим финансовым проблемам³. Так, например, нарком отрицательно относился к проведению денежной реформы. Эту идею горячо отстаивал В.И. Ленин. Гуковский считал реформу бессмысленной, поэтому, по выражению вождя большевиков, «упирался» в ее проведении⁴. Поводом к отставке Гуковского становится проблема обеспечения средствами местных советов. Он выступал против контрибуций, за развитие старых форм налогообложения и централизацию финансового дела. Нарком отрицательно отнесся к проектам декрета «О денежных средствах и расходах местных советов», подготовленным Народным комиссариатом внутренних дел и комиссией, избранной на съезде финотделов в мае 1918 г. в которых предусматривалась возможность применения контрибуций. Гуковский подготовил контрпроект, где предлагал использовать только старые формы обложения и запрещал наложение контрибуций, но не нашел поддержки в совнаркоме и 16 августа был освобожден от обязанностей наркома. Новым главой финансового ведомства становится Н.Н. Крестинский⁵.

К моменту его прихода в НКФ политико-экономическая ситуация в стране радикально изменилась. С лета 1918 г. в России началась полномасштабная Гражданская война. С назначением Крестинского меняется направление финансовой политики Наркомфина. Был взят курс на сближение с советами, чтобы ликвидировать разрыв между НКФ и провинцией, который приводил к параличу всей деятельности наркомата. На заседании коллегии Наркомфина 25 августа 1918 г. Крестинский выступил с проектом организации органов финансового управления. Было решено признать

* Соколов Евгений Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, докторант Московского педагогического государственного университета.

ответственными органами НКФ на местах финансовые отделы при Губисполкомах, и подготовить соответствующий проект декретат⁶. За это решение голосовал и Гуковский⁷. 31 августа 1918 г. коллегия НКФ после доклада С.Е. Чуцкаева принимает общие положения организации местных финотделов⁸, опубликованные 10 сентября. Ответственным органом НКФ в губерниях становился финотдел губисполкома. Старые провинциальные финансовые учреждения подчинялись финансовому отделу. Назначения на должности в местных учреждениях НКФ должны были производиться Наркомфином по представлению финотделов. Неответственные должностные лица назначались соответствующими финансовыми отделами, с последующим уведомлением об этом НКФ. Положение предусматривало предварительное прохождение всех местных смет через финотделы. Но положение 10 сентября не было проведено через СНК, поэтому провинциальные органы других комиссариатов не обязаны были с ним считаться. Это сказалось на бюджетной работе. Губернские органы других ведомств могли направлять сметы в свои комиссариаты, не подвергая их проверке в финотделах. Поэтому решено было переработать положение в форму декрета⁹. 6 октября 1918 г. с проектом реформы местных финансовых учреждений на коллегии НКФ выступил Чуцкаев. С поправками Крестинского его предложения были признаны приемлемыми¹⁰. На коллегии 13 октября Чуцкаев выступал уже с проектом декрета о реорганизации местных финансовых органов. Его передали для доработки в комиссию, состоящую из Чуцкаева, Д.П. Боголепова, Гуковского, которая должна была закончить работу 17 октября, чтобы затем передать проект в Совнарком¹¹. 22 октября 1918 г. проект декрета об организации финотделов губернских и уездных исполкомов советов был представлен Крестинским на заседании СНК. Для обсуждения законопроекта Совнарком назначил совещание из представителей НКФ и НКВД¹². 29 октября Крестинский вновь выступал в СНК по этому вопросу. Проект декрета был сдан в комиссию из представителей комиссариатов юстиции, внутренних дел, госконтроля и финансов¹³. 31 октября Декрет об организации финотделов губернских и уездных комитетов советов был утвержден Совнаркомом¹⁴. По декрету СНК утвердил положение об организации финотделов. Одновременно упразднялись казенные палаты, губернские акцизные управления и финансовые органы местных самоуправлений. Введение «Положения» в жизнь предписывалось закончить не позднее 1 января 1919 г. «Положение об организации финансовых отделов губернских и уездных исполкомов» возлагало в пределах каждой губернии общее руководство финансовым делом на финансовый отдел губисполкома. В новом органе образовывались коллегия и подотделы: сметно-кассовый, прямых налогов и пошлин, косвенных налогов, секретариат. Коллегия финотдела состояла из заведующего финотделом, его заместителя, заведующих подотделами, представителей Губернского совета народного хозяйства и местного учреждения Государственного Контроля. Председателем становился заведующий финотделом. Возглавлял финотдел Уездного исполкома заведующий. Сам уфинотдел состоял из сметно-кассового и налогового подотделов и подчинялся финотделу Губисполкома¹⁵. Положение 10 сентября и последующий декрет 31 октября в корне меняли политику НКФ. Теперь основную опору наркомата в провинции должны были создать реформируемые финотделы. Наркомфин отказался от проведения своей политики через старые финансовые органы. Мало того, он подчинил их финотделам.

Если рассматривать сам декрет и «Положение» то следует отметить демократические принципы, на которых основывалось реформирование финансовых отделов. Выборность местным съездом Советов или Губисполкомом заведующего губфинотделом и его заместителя, то же самое с заведующим уфинотделом, а также назначение руководителей подотделов Губисполкомом. Наркомфин только утверждал представленные кандидатуры. Созданная при финотделе коллегия, в свою очередь, лишь уведомляла Губисполком и НКФ о назначениях в подотделах. Таким образом, не создавалось жесткой вертикальной подчиненности местных органов Наркомфину. Именно такую цель и преследовал Крестинский. Он заявлял, что правом давать общие указания и непосредственные распоряжения в проведении того или иного мероприятия в жизнь НКФ почти не пользовался.

Именно из этого наркомата менее всего финотделы получали команды об отмене своих решений. «Вот почему я вправе сказать, что в вопросе об организации местной власти, в вопросе о том, что вся наша финансовая политика должна проводиться через финансовый отдел местных советов, а не диктоваться непосредственно из центра, что не следует создавать учреждения, непосредственно подчиненные Комиссариату Финансов, но оторванные от местных советов, мы не погрешили»¹⁶. Из слов наркома можно сделать вывод, что НКФ стал явно «заигрывать» с советами, пытаясь восстановить свой утерянный во времена Гуковского авторитет на местах. Важнейшим итогом реформы являлось и то, что финотделы теперь подчинялись НКФ, а не НКВД и таким образом устранялась та двойственность, которая царила в этой области с октября 1917 г. Опираясь на финотделы советов, Наркомфин получил возможность довести до конца те мероприятия, которые были начаты ранее, но по разным причинам не были закончены.

В первую очередь необходимо было решить проблему завершения национализации кредитных учреждений республики. Этот процесс протекал хаотически и бесконтрольно со стороны наркомата. Несмотря на то, что он начался с декабря 1917 г., слияние даже в Москве и Петрограде частных банков с государственным не было закончено, не говоря уже о провинции. Следствием разногласий в центре явилось недоверие и самостоятельность в этом вопросе на местах¹⁷. С приходом в НКФ Крестинского споры по поводу банковской системы республики, которые велись весной 1918 г., прекратились. Новый нарком стал четко проводить линию на объединение всех кредитных учреждений в единый Народный банк. Крестинский утверждал, что «в области национализации банков основная работа была произведена, но она не была доделана». Продолжали работать Московский народный (кооперативный) банк, общества взаимного кредита, иностранные банки, частные земельные банки, городские и губернский кредитные общества. Кроме того, оставались независимыми от Народного банка сберегательные кассы и казначейства. Крестинский решил уничтожить эту пестроту и создать единый расчетно-кассовый аппарат Советской республики¹⁸. Все кредитные учреждения разделили на не имеющие никакого значения для дальнейшего развития экономической жизни «в нужном направлении», – таковые ликвидировались; и на учреждения, нуждавшиеся лишь в реорганизации, – их национализировали. Другую задачу Крестинский видел в объединении различных видов государственных кредитных учреждений, в слиянии с Народным банком сберегательных касс и казначейств¹⁹.

Пробой сил в проведении новой линии в банковском строительстве стала проблема Московского купеческого общества взаимного кредита. После Октябрьской революции «Общество» значительно расширило свою деятельность, спекулировало товарами и не уступало по объему операций коммерческим банкам, что послужило толчком к его национализации Моссоветом в марте 1918 г. Но СНК 22 апреля отменил это постановление. Однако Моссовет не выполнил распоряжение Совнаркома²⁰. Действия московских властей нашли поддержку в НКФ. 3 августа в СНК была направлена докладная записка, составленная С.М. Заксом. Здесь он утверждал, что членами 80% обществ взаимного кредита состоят среднее и мелкое городское население и крестьяне. По определению Закса это «черносотенно-мещанский состав в городах и определенно-кулацкий в захолустных местах». Остальные 20% – капиталисты и спекулянты «средней руки и повыше». Московское купеческое общество взаимного кредита в их числе. Закс заявил, что в Особенной канцелярии по кредитной части рассматривается вопрос о необходимости национализации обществ взаимного кредита²¹. Коллегия НКФ 31 августа постановила: Московское купеческое общество взаимного кредита национализировать и просить СНК аннулировать постановление от 22 апреля. Эту проблему Крестинский вынес на заседание Совнаркома 4 сентября. Он утверждал, что по характеру и размерам своей деятельности Московское купеческое общество ничем не отличается от акционерного банка и предлагал его национализировать. СНК согласился с наркомом и отменил свое постановление от 22 апреля²². Удавшийся опыт с национализацией «Общества» подтолкнул Наркомфин на более решительные действия в банковской области.

Поворотным пунктом в деле национализации кредитных учреждений России стали решения коллегии НКФ от 15 сентября 1918 г. Здесь было заслушано несколько докладов. Первым выступал Крестинский с предложением о национализации Московского Народного банка (Кооперативного). Решено было этот банк национализировать. Затем был заслушан доклад Зака о национализации обществ взаимного кредита. Коллегия постановила общества не национализировать, а ликвидировать. В связи с этим вопросом была выдвинута идея, которая развязывала Наркомфину руки в деле банковского строительства. Коллегия высказалась за то, чтобы предложить СНК издать постановление, по которому Наркомфин получил бы право производить национализацию или ликвидацию всех оставшихся кредитных учреждений, без издания специальных декретов по каждому из них. Затем Закс выступил с докладом о национализации земельных банков и об общественных и городских банках. Первый вопрос решено было рассмотреть на следующем заседании, а городские и общественные банки ликвидировать. Рассматривалась и проблема земских касс мелкого кредита и союзов ссудно-сберегательных и кредитных товариществ. Их решили ликвидировать²³. 19 сентября по вопросу о порядке национализации и ликвидации кредитных учреждений в Совнарком выступил Крестинский. Заслушав его доклад СНК постановил: 1. Признать, что декретом 14 декабря 1917 г. установлен принцип монополизации банковского дела в России. 2. Поручить НКФ срочно провести «в порядке управления» национализацию (или ликвидацию) всех еще существующих кредитных учреждений. 3. Обязать Народного комиссара финансов представлять в СНК периодические отчеты о ходе национализации банков и о положении банковского дела²⁴. Постановление Совнаркома «О неукоснительном проведении в жизнь декрета о монополизации банковского дела» было издано 20 сентября 1918 г.²⁵ Таким образом, Наркомфин получил «карт-бланш» в деле национализации кредитных учреждений. Теперь ее можно было проводить административными решениями НКФ, не дожидаясь специальных декретов. После постановления Совнаркома оживилась работа по национализации коммерческих банков. К октябрю 1919 г. большинство акционерных частных банков было слито с Народным банком²⁶.

Следующей задачей в области банковского строительства была проблема банков ипотечного кредита, прежде всего крупнейших – Дворянского и Крестьянского земельных банков. Несмотря на декрет 8 декабря 1917 г. об их ликвидации никакого прогресса в этом вопросе достигнуто не было. При Крестинском эти государственные кредитные учреждения прекратили свое существование²⁷. Кроме Дворянского и Крестьянского банков кредитованием под залог недвижимости занимались еще акционерные земельные банки, городские и губернские кредитные общества и городские общественные банки. По разработанному в НКФ декрету, утвержденному СНК 24 декабря 1918 г., они ликвидировались²⁸. Окончательно разрешен был при Крестинском и вопрос об иностранных банках. Еще 15 мая 1918 г. СНК решил их ликвидировать²⁹. Но конкретных действий не последовало. Придя в наркомфин, Крестинский занял принципиальную позицию уничтожения всех иностранных банков³⁰. Его поддержало правительство. 2 декабря Совнарком постановил ликвидировать все действующие в пределах РСФСР иностранные банки³¹. Кредитование в России, кроме акционерных частных банков, осуществляли общества взаимного кредита, городские общественные банки и банкирские конторы. 10 октября 1918 г. издается постановление Наркомфина о ликвидации обществ взаимного кредита, а в декабре 1918 г. вышла инструкция, определившая порядок проведения в жизнь этого решения. Циркуляр и инструкция о ликвидации городских общественных банков были одобрены на коллегии НКФ 1 декабря, а изданы 2 декабря 1918 г.³²

Более тонкую политику советская власть проводит в отношении кредитной кооперации и ее центра Московского Народного (кооперативного) банка. Сначала на кредитную кооперацию большевики не распространили принцип монополии банковского дела. С приходом в НКФ Крестинского отношение к Московскому кооперативному банку меняется. Но здесь НКФ встает «не на путь ликвидации, а на путь национали-

зации», вследствие того, что Московский банк был тесно связан с хозяйственной жизнью страны, особенно деревни. Новая власть хотела использовать в своих интересах его аппарат и связи³³. Коллегия НКФ 1 декабря одобрила проект декрета о национализации Московского Народного банка. На заседании СНК 2 декабря он был утвержден. Московский Народный банк преобразовывался в Кооперативный отдел Нарбанка³⁴.

Сразу после прихода большевиков к власти головной болью советского правительства становится проблема финансирования промышленности. Первоначально новая власть кредитовала и национализированные и частные предприятия, но свою задачу она видела в приоритетной поддержке национализированных предприятий³⁵. Первые месяцы 1918 г. эти предприятия получали денежные средства из нескольких источников: кредиты Народного банка, бюджетные ассигнования (через СНК), сметное финансирование, деньги государственного казначейства, в обеспечение выполнения плановых заказов, и от реализации продукции на рынке. Поэтому получалось зачастую бесконтрольное двойное, а то и тройное финансирование одних заводов и полное отсутствие поступлений средств на других³⁶. Первую половину 1918 г. вопрос о финансировании национализированной промышленности неоднократно обсуждался в ВСНХ, НКФ и Народном банке. Споры велись вокруг способов предоставления кредита возвратного или безвозвратного. Побеждала точка зрения, что безвозвратное финансирование более свойственно природе социалистических предприятий. Споры вызывал также порядок предоставления средств предприятиям. Появилась масса проектов, которые можно разделить на две группы: 1. Финансирование только через Народный банк; эти проекты в основном исходили от самого банка. 2. Возложить финансирование на ВСНХ. Это предлагалось ВСНХ и НКФ³⁷. Теоретические разногласия скоро прекратила сама жизнь. Реальная политико-экономическая ситуация в России с 1918 г. потребовала новых подходов к проблеме промышленности и ее финансирования. Теперь все было поставлено на службу одной цели – победе в Гражданской войне. Декретом от 28 июня 1918 г. Совнарком национализировал практически всю крупную промышленность³⁸. Это повлекло за собой переход на сметное финансирование. В условиях складывающейся системы военного коммунизма банковское кредитование не имело никакого смысла, так как кредиты все равно не возвращались. Порядок снабжения средствами промышленности определил декрет СНК от 19 августа 1918 г. Народный банк должен был прекратить кредитование предприятий, находящихся в управлении ВСНХ, и снабжать их только по сметам³⁹.

При Крестинском споры вокруг роли Госбанка в финансировании промышленности закончились. На коллегии Наркомфина 8 декабря Народный банк был признан центральной кассой и расчетным аппаратом национализированных предприятий. НКФ выступал только за присутствие представителя банка в комитете, решающем вопросы финансирования предприятий⁴⁰.

Проблема финансирования промышленности стала одной из основных тем на II Всероссийском съезде советов народного хозяйства в конце декабря 1918 г. Она обсуждалась на особой секции по финансированию промышленности под председательством Гуковского, где 26 декабря выступил Ю. Ларин. После его доклада развернулись жаркие прения, которые велись вокруг способов предоставления средств промышленности, роли в этом НКФ и Народного банка, а также введения безденежного хозяйства⁴¹. В итоге была принята одна из самых обширных резолюций съезда «Резолюция по вопросам финансирования». Она предусматривала переводение национализированной промышленности на сметное финансирование, широкое применение безденежных расчетов и отмену с 1 января 1919 г. всех долгов и налогов на национализированные предприятия. Народный банк объявлялся «вспомогательным исполнительным расчетно-кассовым аппаратом при ВСНХ». У Нарбанка изымалось право контроля за целесообразностью расходов учреждений ВСНХ. За банком оставалась функция статистики и обязанность выдавать по сметам необходимые деньги⁴². Решения 2-го Всероссийского съезда совнархозов обсуждались на коллегии Наркомфина 29 декабря. Решено было считать резолюцию о финансировании промышленности приемлемой при условии

внесения в нее добавлений: а) на ближайший сметный период сметы составляются еще в денежной форме; б) НКФ участвует в утверждении всех смет ВСНХ и имеет право протеста вплоть до СНК⁴³.

Таким образом, не только роль Нарбанка, но и Наркомфина в важнейшем вопросе финансирования промышленности была резко снижена. Теперь это была роль стороннего наблюдателя, безропотно выдающего деньги по первому требованию ВСНХ. В условиях Гражданской войны никто не считался с необходимостью экономии денег. Финансовое ведомство уже не могло остановить печатный станок. Эмиссия быстро разрушала денежное обращение страны. В этой области было много «гордиевых узлов», появившихся еще до Октябрьской революции. За первые месяцы существования большевистского правительства их количество стало неизмеримо больше. Крестинский попытался навести порядок с законодательной базой в этой области. Временное правительство расширило эмиссионное право Госбанка до 16,5 млрд руб.⁴⁴. С приходом к власти, большевики вынуждены были сразу включить станок Экспедиции заготовления государственных бумаг, другого источника дохода они не имели. В декабре 1917 г. СНК попытался узаконить расширение эмиссионного права Госбанка до 3 млрд руб., но усомнился в проектируемой НКФ цифре. 10 февраля 1918 г. Совнарком поручил НКФ собрать и представить точные данные о количестве выпущенных в обращение денежных знаков⁴⁵. Неразбериха в вопросе выпуска кредитных билетов долго не позволяла вернуться к поставленной проблеме. Лишь 26 октября 1918 г. вопрос был поднят Крестинским в Совнарком. Нарком просил увеличить право выпуска денежных знаков на 33,5 млрд руб. Декрет был утвержден. Но СНК решил его не публиковать⁴⁶. С этим не согласился главный комиссар Нарбанка Г.Л. Пятаков. Он настаивал на том, что публикация крайне важна «в смысле укрепления доверия со стороны населения к нашим денежным знакам»⁴⁷. Пятаков получил поддержку в НКФ и 7 декабря 1918 г. декрет опубликовали⁴⁸. Этим декретом Совнарком фактически узаконил уже произведенные выпуски кредитных билетов, сверх установленных предшествующими актами пределов эмиссионного права Госбанка.

В обстановке усиленной работы печатного станка у большевиков стало складываться новое отношение к деньгам. Падение рубля стало восприниматься как естественный процесс, предсказанный К. Марксом. Большевики теперь все более беспокоило медленное умирание национальной валюты. Это они объясняли особенностью России, где существовал громадный мелкобуржуазный рынок, оттягивающий стихийную ликвидацию «бумажек»⁴⁹. Эмиссия воспринималась как способ уничтожения капитализма. «В архиве великой пролетарской революции, рядом с пушками, винтовками и пулеметами нашей эпохи, разившими врагов пролетариата, на почетном месте будет стоять станок того пулемета Наркомфина, который обстреливал буржуазный строй по тылам его денежной системы, обратив законы денежного обращения буржуазного режима в средство уничтожения этого режима и в источник финансирования революции»⁵⁰.

В 1918 г. складывается система распределения денежных знаков, которая будет характерна для всего периода «военного коммунизма». Наркомфин разверстывал наличность, произведенную в Экспедиции заготовления государственных бумаг, по «вертикали» и «горизонтали». По «вертикали» эмиссия распределялась между центральными ведомствами, откуда наличность отправлялась по подведомственным им учреждениям и предприятиям. По «горизонтали» деньги разверстывались между провинциальными финорганами, которые их распределяли по своему усмотрению. Вертикальная схема породила «бронировку» денежных знаков. Она стала широко применяться в 1918 г. Ведомство, сдав наличность в банк, требовало обратной выдачи этих денег. Бронировки поглощали большую часть эмиссии и приводили к тому, что денежные знаки часто не использовались учреждениями, которым они предназначались, обесцениваясь, лежали без движения. На практике советы регулярно производили «перебронировку» присланных сумм без ведома, а иногда и вопреки распоряжениям центра⁵¹.

Система бронировок способствовала усилению денежного голода и вносила дезорганизацию в финансовое хозяйство республики. Очень скоро это привело к тому,

что Наркомфин рассылал по стране кредитные билеты вагонами, а исполкомы советов распределяли «груз». «Деньги выдавались независимо от того были ли открыты учреждения “кредиты”, а открытые “кредиты” ни в коей мере не обеспечивали получения денег»⁵².

С началом Гражданской войны обострился денежный голод. Перед правительством все более остро вставала проблема денежных суррогатов, которые стремились выпускать провинциальные власти, добиваясь их официального «признания» от центра. До осени 1918 г. СНК и НКФ всячески препятствовали попыткам узаконить местные эмиссии. Но после начала полномасштабной Гражданской войны некоторые регионы оказались отрезанными от центра. И так нерегулярное снабжение денежными знаками прекратилось вовсе. В такой обстановке Совнарком официально разрешил отрезанным от центра регионам производить самостоятельную эмиссию. По представлению НКФ 3 и 17 сентября 1918 г. СНК разрешил отделению Нарбанка в Ташкенте выпуск временных кредитных билетов для Туркестанской советской республики на общую сумму в 500 млн руб. Декретом от 1 октября Совнарком позволил Пятигорскому отделению Нарбанка произвести выпуск временных кредитных билетов Терской обл. на сумму до 50 млн руб.⁵³

Таким образом, советская власть вынуждена была осенью 1918 г. узаконить выпуск местных денег, стимулируя распад денежного обращения России. «Распад денежного обращения, пережитый Россией, заключался не только в том, что захирела ее основная денежная системы, но также в том, что наряду с основной системой появилось множество других»⁵⁴. Особенностью «русского распада» было появление обособленных денежных систем. Многие из «правительств» создавали свои рубли, являвшиеся по отношению к рублям Москвы, как политически, так и экономически иностранными деньгами⁵⁵.

С началом Гражданской войны обостряется проблема снабжения средствами местных советов. Жаркие споры по этому вопросу, которые велись при Гуковском, не утихли. Однако, казалось, Наркомфин во главе с Крестинским перестал уделять этой проблеме внимание, отдав ее на откуп Согласительной межведомственной комиссии. Она была образована СНК при НКВД и рассматривала проекты декретов о денежных средствах и расходах местных советов. Председателем являлся заведующий Отделом местного хозяйства, член коллегии НКВД Б.М. Эльцин. Совнарком отправил в комиссию для согласования два проекта: Наркомфина (Гуковского) и комиссии, выделенной из состава Всероссийского съезда финотделов советов. За основу был принят второй проект. Эта же комиссия разработала особый декрет, устанавливающий право местных советов облагать городскую и деревенскую буржуазию «единовременным чрезвычайным революционным налогом», т.е. контрибуцией. Комиссия закончила работу 19 октября и направила подготовленные документы в Совнарком⁵⁶. «Положение о единовременных чрезвычайных революционных налогах, устанавливаемых местными совдепами» было принято СНК 29 октября и опубликовано в форме декрета 5 ноября 1918 г.⁵⁷

Проект декрета о денежных средствах и расходах местных советов Эльцин представил в Совнарком в этот же день. После нескольких обсуждений он был принят и опубликован 3 декабря. Как и в «Положении о единовременных налогах» в декрете предусматривалось обложение буржуазии контрибуциями⁵⁸. В принятии этих двух законодательных актов прослеживается «отдаленность» от них НКФ. Наркомат не пытался, как при Гуковском, бороться с разрешением контрибуций местным советам. Позицию НКФ объяснил Крестинский в выступлении на съезде финотделов весной 1919 г. Он отмежевался от двух вышеназванных декретов, которые, по его словам, были «данью прошлому, наследием острых споров, происходивших до нашего прихода в НКФ». По его мнению, капиталы буржуазии не являются собственностью города или губернии и должны быть обращены в пользу государства. НКФ не возражал тогда против «Положения о единовременных чрезвычайных революционных налогах», «чтобы на местах наши возражения не были поняты неправильно». Но Крестинский

настаивал: «Мы отмежевываемся от этого декрета. Он принят по инициативе Свердлова, по инициативе Комиссариата внутренних дел, а не по нашей инициативе»⁵⁹.

Декрет 3 декабря также не устраивал НКФ, который считал неправильной множественность налогов, закрепляемую в этом законодательном акте. Поэтому Крестинский заявил, что декрет 3 декабря является «не нашим декретом, а декретом хозяйственного отдела НКВД. ...Мы поставили под ним подпись скрепя сердце»⁶⁰. НКФ повел атаку на не устраивавшие его решения с другого направления. Практически одновременно с принятием законодательных актов о единовременных налогах и денежных средствах и расходах местных советов, Наркомфин проводит два других декрета: о чрезвычайном и натуральном налогах. На коллегии НКФ 9 октября 1918 г. по проблеме контрибуций выступал Д.П. Боголепов. Ему предложили разработать проект декрета о контрибуциях при условии, что взиматься они будут в качестве чрезвычайного налога⁶¹. Таким образом, параллельно с разработкой декретов от 5 ноября и 3 декабря в недрах НКФ зарождался новый налог. 22 октября проект декрета о единовременном чрезвычайном налоге докладывался Крестинским в Совнарком. 26 октября он был утвержден СНК. 30 октября ВЦИК принял декрет о введении единовременного 10-ти миллиардного налога на имущие группы городского и деревенского населения. Раскладку «общероссийской контрибуции» необходимо было закончить к 1 декабря, а взыскание произвести до 15 декабря 1918 г.⁶² Крестинский утверждал, что чрезвычайный налог являлся «попыткой использовать все нетрудовые сбережения, все излишние средства, имевшиеся у буржуазии, не на нужды того или иного совета, а на нужды всей Республики», сделав «фактически невозможным проведение местных контрибуций»⁶³. Таким способом Наркомфин попытался решить проблему бесконтрольности контрибуций.

Одновременно шла подготовка натурального налога, которая началась еще при Гуковском. Проект декрета о натуральном обложении был представлен им в Наркомфин 25 августа. 31 августа коллегия НКФ направляет декрет о натуральном обложении в СНК⁶⁴. После долгих обсуждений 30 октября 1918 г. ВЦИК утвердил декрет о натуральном налоге⁶⁵. Введение натурального налога воспринималось НКФ как крупная победа. В наркомате считали, что он связывает их с будущим и сохранится в период перехода к коммунистическому строю⁶⁶. Но надеждам НКФ не суждено было сбыться. Применение «всероссийской контрибуции» привело к злоупотреблениям на местах, росту недовольства населения и даже открытым восстаниям. Всего по чрезвычайному налогу поступило несколько более 1.5 млрд руб.⁶⁷ Что же касается налога «устремленного в будущее», с которым большевики связывали большие надежды, как с преобразованием обложения крестьянства в коммунистическом хозяйстве, то здесь дела обстояли не лучше. Натуральный налог фактически не применялся, его заменила продразверстка. Взимать что-нибудь еще не представлялось возможным⁶⁸.

Крестинский являлся сторонником унификации и слияния учреждений бывшего министерства финансов. Поэтому важнейшей своей задачей новый нарком считал объединение различных видов государственных кредитных учреждений в единый механизм Нарбанка. В первую очередь это касалось сберегательных касс и казначейств. Проблема слияния казначейств с Нарбанком возникла при Гуковском. В июле 1918 г. состоялось Особое совещание по обсуждению слияния казначейств с Нарбанком. Но никаких документов подготовлено не было⁶⁹. Крестинский принялся за дело очень энергично. Начало свою работу новое совещание при Нарбанке по вопросу о преобразовании казначейств. Заседания проходили 1, 3 и 4 октября 1918 г.⁷⁰ 13 октября 1918 г. декрет о слиянии казначейств с отделениями Нарбанка рассматривался на коллегии НКФ. 31 октября он был утвержден СНК⁷¹. В октябре 1918 г. началась подготовка слияния сберкасс с Нарбанком. Цель данного мероприятия можно выяснить по тезисам к докладной записке «О превращении сберкасс в народно-расчетные кассы/кассы текущих счетов/», направленным в НКФ. Главную причину реорганизации тезисы связывали с тем, что операции по текущим счетам отдельных лиц должны приобрести универсальное значение в связи с предстоящим переходом к иной системе заработной платы, уплачиваемой не деньгами, а начисляемой в счетно-трудовых единицах. Поэтому счета

должны быть открыты для всех трудящихся. Все виды вознаграждения за работу, для полного вытеснения денег, должны будут выдаваться не на руки, а зачисляться в определенных счетно-трудовых единицах на текущие счета соответствующих лиц и расходоваться путем списания сумм по чекам, представляемым в государственные и кооперативные магазины. Поэтому необходимо дать каждой деревне и каждому кварталу города такую народно-расчетную кассу⁷². Из этого следует, что слияние сберкасс увязывалось с переходом к безденежной оплате труда.

8 декабря 1918 г. коллегия НКФ рассматривала вопрос о слиянии сберкасс с Нарбанком. На заседании обсуждались тезисы объяснительной записки, представленные управлением сберкасс. Коллегия поручила Ф.Ф. Сыромолотову и Э.И. Юревичу совместно с управлением сберкасс подготовить декрет о слиянии сберкасс с Нарбанком. Разработанный проект декрета и инструкция вызвали споры в самом НКФ⁷³. Объединение сберкасс с Нарбанком Наркомфину так и не удалось провести в 1918 г. Только 10 апреля 1919 г. проект декрета был утвержден СНК⁷⁴.

В обстановке Гражданской войны функции, которые выполняло бывшее министерство финансов, все более суживались. Налоговая система приходила в упадок, поступления в денежной форме таяли. Переход на сметное финансирование промышленности означал безвозмездную передачу заводам денежных средств. Составление бюджетов приобрело гадательный характер. Кредитование кооперации, после национализации Московского Народного банка, все более походило на кредитование промышленности. Единственная функция бывшего министерства, бурно развивавшаяся в этот период, это печатание и рассылка на места денежных знаков. В таких условиях сохранение прежнего аппарата министерства финансов теряло смысл.

Процесс реорганизации бывшего министерства начался стихийно и шел без определенного плана. В этот период наметилась тенденция к расширению задач, стоявших перед Госбанком. Начинался процесс поглощения банком министерства. Эту тенденцию поддержал Крестинский. С его приходом в Наркомфин процесс реформирования наркомата приобрел определенную стратегию. К концу 1918 г. новый нарком четко сформулировал принципы дальнейшего развития НКФ.

19 декабря в Совнарком обсуждался вопрос о работах Межведомственного совещания при Наркомфине для проведения единства кассы и закрытия отдельных касс Главков и предприятий. Решено было назначить в ближайшее время доклад Крестинского о задачах и плане реорганизации Нарбанка, финансировании национализированных предприятий и о единстве кассы⁷⁵.

21 декабря на заседании СНК по обозначенной 19 декабря теме выступил нарком финансов, предложивший развернутую программу своего видения роли Нарбанка в хозяйстве республики. С тезисами его выступления внимательно ознакомился Ленин, сделав в них множество пометок. Крестинский писал, что Нарбанк является единым расчетно-кредитным учреждением РСФСР и финансирует все комиссариаты, производит все сметные расчеты наркоматов и принимает все доходы. Банк финансирует кооперацию и государственные предприятия, а кредитует не национализированные еще заводы. Тезисы Крестинского получили поддержку. Совнарком поручил НКФ разработать положение о Нарбанке и внести его в правительство⁷⁶. Развернутую расшифровку своей программы, сформулированной в конце 1918 г. Крестинский дал на состоявшемся весной 1919 г. съезде представителей финотделов. Наркомфин утверждал, что Нарбанк должен являться единственным сметно-расчетно-кассовым аппаратом республики и обслуживать все отрасли хозяйственной жизни и управления. Нарбанк производит все государственные расходы и принимает все доходы. Занимается расчетами между правительственными учреждениями и предприятиями с одной стороны, между государственным сектором и частными лицами, с другой. Крестинский ратовал за полную национализацию промышленности и подчинение ее ВСНХ. В соответствии с задачами Нарбанка должна была измениться и структура его Центрального управления. Нарком предлагал разделить его на ряд отделов и подотделов. Крестинский выступал за создание на местах органов, которые по своей структуре соответствовали бы Центральному

управлению банка и были бы тесно связаны с советскими учреждениями в провинции. За основу он предлагал принять губернские конторы Нарбанка. Они должны иметь те же отделы, что и Центральное управление, кроме некоторых: отдела кредитных билетов, центральной канцелярии и т.д. Следующим шагом нарком считал установление более тесной связи финотделов с отделениями Нарбанка. Крестинский выступал за открытие на местах целого ряда мелких отделений Народного банка, с которыми Центральное управление непосредственно сноситься не будет. Нарком обращал внимание на сберкассы, казначейства, отделения бывших частных банков, ведомственные кассы, кассы советов, продовольственных организаций, фабрик и заводов, железных дорог и т.д., предлагая превратить их в кассы Нарбанка. Согласно его замыслу, их работой будут руководить губернские конторы банка. Это дало бы возможность распространить безденежные расчеты не только на отношения между правительственными учреждениями и предприятиями, но и между потребителями – рабочими, служащими и снабжающими их государственными органами. «Именно при помощи мелких касс и отделений банка, проникающих во все поры хозяйственной и административной жизни, мы можем облегчить себе задачу введения безденежного коммунистического хозяйства». Крестинский считал необходимым строительство «ветвистой» системы касс Нарбанка и в деревне, и в городе, а также уничтожение старых видов расчетов и создания новых, что, по его убеждению, «даст возможность приблизить момент аннулирования всех денег»⁷⁷.

Выполнение «программы Крестинского» началось с осени 1918 г., хотя окончательно он ее сформулировал в конце 1918 г. – начале 1919 г. Для финансовых органов это означало вступление в период непрерывных реорганизаций, продолжавшихся всю эпоху военного коммунизма. В сентябре 1918 г. отдел местных учреждений Нарбанка разослал циркуляр где говорилось, что правительство наметило к открытию целую сеть отделений Нарбанка, как в крупных торгово-промышленных центрах, так и в сельскохозяйственных регионах. Советам предлагалось в кратчайший срок дать подробные сведения о географическом и экономическом положении того пункта, в котором представляется полезным открыть новые отделения банка⁷⁸. С ноября 1918 г. пошел процесс организации системы окружного управления филиалами Нарбанка⁷⁹. В конце 1918 г. началось преобразование аппарата бывшего министерства финансов. На коллегии НКФ 24 ноября решено было реформировать Кредитную канцелярию с передачей ее дел в Центральное управление Нарбанка. 8 декабря коллегия одобрила соответствующий проект постановления⁸⁰. По декрету 28 декабря 1918 г. деятельность Кредитной канцелярии и связанных с ней учреждений была прекращена. Дела передавались в Нарбанк⁸¹. Одновременно в ведение банка перешла Экспедиция заготовления государственных бумаг, подчинявшаяся до этого Кредитной канцелярии⁸². 29 декабря коллегия НКФ заслушала доклад Боголепова о реформировании Главного управления неокладных сборов и поручила Крестинскому и Боголепову окончательное редактирование представленного положения⁸³.

Таким образом, было намечено новое направление реформирования финансового аппарата. «План Крестинского» стал приобретать реальные очертания. С назначением Крестинского затухают споры вокруг финансовой политики, которые велись в недрах НКФ в период его предшественника Гуковского. Новый нарком имел четкую программу действий и начал претворять ее в жизнь. Первым делом он укрепил статус НКФ, растерявшего свой авторитет во времена предыдущих наркомов. Для этого Крестинский изменил направление деятельности наркомата. Теперь опорой НКФ в провинции стали финотделы советов. Способствовало подъему престижа Наркомфина изменение политики в вопросе национализации банков. Наркомат встает на позицию огосударствления всех кредитных учреждений республики и слияния их в единый орган – Народный банк Республики. НКФ получает своеобразный карт-бланш в этом деле. Теперь наркомат мог самостоятельно проводить национализацию, информируя СНК о проделанной работе. Это говорит об укреплении доверия к Наркомфину со стороны правительства. К концу 1918 г. Крестинский окончательно сформулировал

свою программу, претворением которой в жизнь НКФ занимался весь период военного коммунизма. Главное место в ней отводилось единому Нарбанку республики. Необходимо было создать множество его отделений, проникающих во все «поры» страны, и установить тесный контакт с местными финотделами. Шаги в направлении преобразования финансового аппарата начали предприниматься осенью – зимой 1918 г. Конечной целью реформ становится не финансовая стабилизация, а введение безденежного коммунистического хозяйства.

Примечания

¹ См.: Труды Всероссийского съезда заведующих финотделами. Пленарные заседания. (далее – Труды съезда завфинотделами. Пленарные заседания). М., 1919. С. 12–13.

² См.: *Бухарин Н.И.* Программа коммунистов (большевиков). М., 1918; *Пятаков Г.Л.* Пролетариат и банки // *Правда*. 1917. 5 (18) декабря; Труды I Всероссийского съезда советов народного хозяйства. 25 мая – 4 июня 1918. (Стеногр. отчет). (далее – Труды I съезда СНХ). М., 1918; Отчет о работах первого Всероссийского съезда представителей Финансовых Отделов Областных, Губернских и Уездных С.Р. и К.Д., созданный по инициативе Отдела местного хозяйства Нар. К.В.Д. (далее – Отчет о работах I съезда финотделов). М., 1918.

³ См.: Отчет о работах I съезда финотделов; Труды I съезда СНХ; РГАЭ, ф. 3429, оп. 2, д. 70, л. 4–10.

⁴ См.: *Ленин В.И.* ПСС. Т. 35. С. 124; Ленинский сборник XXI. М.; Л., 1933. С. 175, 179–180; Ленинский сборник XXXV. М.; Л., 1945. С. 31–32; Ленинский сборник XXXVI. М., 1959. С. 39; РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2766, л. 6, 16; ГА РФ, ф. 130, оп. 2, д. 230, л. 98–6.

⁵ См.: Материалы по вопросам финансовой реформы в РСФСР. М., 1918. С. 2; РГАПИ, ф. 19, оп. 1, д. 132, л. 4; д. 180, л. 2; д. 182, л. 2, 15; ф. 5, оп. 1, д. 2759, л. 7; ГА РФ, ф. 130, оп. 2, д. 40, л. 66–86.

⁶ РГАЭ, ф. 7733, оп. 1, д. 2, л. 6.

⁷ См.: Труды съезда завфинотделами. Пленарные заседания. С. 13.

⁸ РГАЭ, ф. 7733, оп. 1, д. 2, л. 6.

⁹ См.: Труды съезда завфинотделами. Пленарные заседания. С. 13.

¹⁰ РГАЭ, ф. 7733, оп. 1, д. 2, л. 13.

¹¹ Там же, л. 15.

¹² РГАСПИ, ф. 19, оп. 1, д. 212, л. 4.

¹³ Там же, д. 215, л. 4.

¹⁴ Там же, д. 216, л. 2.

¹⁵ См.: Декреты Советской власти. Т. 3. М., 1964. С. 497–503; РГАСПИ, ф. 19, оп. 1, д. 216, л. 59–67.

¹⁶ См.: Труды съезда завфинотделами. Пленарные заседания. С. 14–15.

¹⁷ РГАЭ, ф. 7733, оп. 1, д. 39, л. 5–6.

¹⁸ См.: Труды съезда завфинотделами. Пленарные заседания. С. 15–16.

¹⁹ См.: там же. С. 76–77.

²⁰ См.: *Атлас М.С.* Национализация банков в СССР. М., 1948. С. 182; ГА РФ, ф. 130, оп. 2, д. 219, л. 4.

²¹ ГА РФ, ф. 130, оп. 2, д. 219, л. 9.

²² РГАЭ, ф. 7733, оп. 1, д. 2, л. 7; РГАСПИ, ф. 19, оп. 1, д. 191, л. 4, 43–46.

²³ РГАЭ, ф. 7733, оп. 1, д. 2, л. 9–10.

²⁴ РГАСПИ, ф. 19, оп. 1, д. 198, л. 3–4.

²⁵ См.: *Ривкин Б.* Финансовая политика в период Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1957. С. 296; *Атлас М.С.* Указ. соч. С. 115.

²⁶ См.: *Ривкин Б.* Указ. соч. М., 1957. С. 302; *Атлас М.С.* Указ. соч. С. 117.

²⁷ См.: *Атлас М.С.* Указ. соч. С. 159–163; *Ривкин Б.* Указ. соч. С. 103; РГАЭ, ф. 7733, оп. 1, д. 2, л. 10; д. 3, л. 5.

²⁸ РГАЭ, ф. 7733, оп. 1, д. 3, л. 5; д. 4, л. 6; РГАСПИ, ф. 19, оп. 1, д. 237, л. 3.

²⁹ РГАСПИ, ф. 19, оп. 1, д. 116, л. 2.

³⁰ См.: Труды съезда завфинотделами. Пленарные заседания. С. 76; РГАЭ, ф. 7733, оп. 1, д. 3, л. 5.

³¹ См.: Декреты Советской власти. Т. 4. М., 1968. С. 121; РГАСПИ, ф. 19, оп. 1, д. 228, л. 3.

- ³² См.: *Атлас М.С.* Указ. соч. С. 183–185; РГАЭ, ф. 7733, оп. 1, д. 4, л. 2.
- ³³ См.: Труды съезда завфинотделами. Пленарные заседания. С. 16, 76.
- ³⁴ См.: Декреты Советской власти. Т. 4. С. 119–120; РГАЭ, ф. 7733, оп. 1, д. 4, л. 2; РГАСПИ, ф. 19, оп. 1, д. 228, л. 3, 46–47.
- ³⁵ См.: *Атлас М.С.* Указ. соч. С. 134.
- ³⁶ См.: *Атлас М.С.* Указ. соч. С. 143; *Ривкин Б.* Указ. соч. С. 208, 210.
- ³⁷ См.: *Атлас М.С.* Указ. соч. С. 144–145; РГАЭ, ф. 2324, оп. 15, д. 266, л. 1; ф. 3429, оп. 2, д. 15, л. 182; РГАСПИ, ф. 19, оп. 1, д. 57, л. 1.
- ³⁸ См.: Декреты Советской власти. Т. 2. М., 1959. С. 498–504.
- ³⁹ См.: там же. Т. 3. С. 226–227.
- ⁴⁰ РГАЭ, ф. 7733, оп. 1, д. 3, л. 1.
- ⁴¹ См.: Труды II Всероссийского съезда советов народного хозяйства. 19 декабря – 27 декабря 1918 г. М., 1919. С. 266–284.
- ⁴² Там же. С. 396–399.
- ⁴³ РГАЭ, ф. 7733, оп. 1, д. 4, л. 7.
- ⁴⁴ См.: *Каценеленбаум З.С.* Денежное обращение России 1914–1924. М. – Л., 1924. С. 50.
- ⁴⁵ РГАСПИ, ф. 19, оп. 1, д. 2, л. 1; д. 9, л. 2; д. 59, л. 4.
- ⁴⁶ Там же, д. 214, л. 5, 72–73.
- ⁴⁷ ГА РФ, ф. 130, оп. 2, д. 218, л. 199.
- ⁴⁸ РГАЭ, ф. 7733, оп. 1, д. 2, л. 16; ГА РФ, ф. 130, оп. 2, д. 218, л. 201; Декреты Советской власти. Т. 3. С. 454.
- ⁴⁹ *Преображенский Е.Б.* Бумажные деньги в эпоху пролетарской диктатуры. М., 1920. С. 40.
- ⁵⁰ Там же. С. 4.
- ⁵¹ См.: *Атлас М.С.* Очерки по истории денежного обращения в СССР (1917–1925). М., 1940. С. 71–72; РГАЭ, ф. 3429, оп. 2, д. 15, л. 51.
- ⁵² См.: *Юровский Л.Н.* Денежная политика Советской власти (1917–1927). М., 1928. С. 69.
- ⁵³ См.: Декреты Советской власти. Т. 3. С. 283–285, 350–351, 387–388; РГАСПИ, ф. 19, оп. 1, д. 203, л. 3, 26.
- ⁵⁴ *Юровский Л.Н.* Указ. соч. С. 159.
- ⁵⁵ Там же. С. 160.
- ⁵⁶ ГА РФ, ф. 130, оп. 2, д. 213, л. 1–8, 10–32.
- ⁵⁷ РГАСПИ, ф. 19, оп. 1, д. 215, л. 2, 58; см.: Декреты Советской власти. Т. 3. С. 495–497.
- ⁵⁸ РГАСПИ, ф. 19, оп. 1, д. 215, л. 4; д. 228, л. 6; см.: Декреты Советской власти. Т. 4. С. 128–143.
- ⁵⁹ См.: Труды съезда завфинотделами. Пленарные заседания. С. 19.
- ⁶⁰ Там же. С. 19–20.
- ⁶¹ РГАЭ, ф. 7733, оп. 1, д. 2, л. 14.
- ⁶² См.: Декреты Советской власти. Т. 3. С. 465–468; РГАСПИ, ф. 19, оп. 1, д. 212, л. 3; д. 214, л. 3.
- ⁶³ См.: Труды съезда завфинотделами. Пленарные заседания. С. 19–20.
- ⁶⁴ РГАЭ, ф. 7733, оп. 1, д. 2, л. 6, 7.
- ⁶⁵ См.: Декреты Советской власти. Т. 3. С. 470–473; РГАСПИ, ф. 19, оп. 1, д. 191, л. 3–4, 30; д. 199, л. 7; д. 214, л. 4; ф. 5, оп. 1, д. 2759, л. 25; РГАЭ, ф. 7733, оп. 1, д. 2, л. 13; Ленинский сборник XVIII. М.; Л., 1931. С. 155.
- ⁶⁶ См.: Труды съезда завфинотделами. Пленарные заседания. С. 20–21.
- ⁶⁷ См.: *Ривкин Б.* Указ. соч. С. 185. К концу 1920 г. чрезвычайного налога поступило 1.6 млрд руб. См.: *Дьяченко В.П.* Советские финансы в первой фазе развития социалистического государства, 1917–1925. Ч. 1. М., 1947. С. 150.
- ⁶⁸ *Боголепов Д.П.* Деньги Советской России. Л., 1924. С. 18.
- ⁶⁹ РГАЭ, ф. 7733, оп. 1, д. 3210, л. 8, 13–14, 22, 25, 28.
- ⁷⁰ Там же, д. 20, л. 1–5; д. 3211, л. 2, 4.
- ⁷¹ Декреты Советской власти. Т. 3. С. 473–480; РГАСПИ, ф. 19, оп. 1, д. 216, л. 3; РГАЭ, ф. 7733, оп. 1, д. 2, л. 15.
- ⁷² РГАЭ, ф. 7733, оп. 1, д. 23, л. 1, 3, 8.
- ⁷³ Там же, д. 3, л. 1; д. 23, л. 20, 22–24.
- ⁷⁴ РГАСПИ, ф. 19, оп. 1, д. 277, л. 4.
- ⁷⁵ Там же, д. 235, л. 4.
- ⁷⁶ Там же, д. 236, л. 3, 7–10.